

Глава 1

Мир, переживший чудовищную эпидемию, быстро восстанавливается. Большинство стран обошлось некритическими потерями в населении и промышленном потенциале. Даже США, которые и были центром распространения чёрной чумы, потеряли две трети населения, в основном чёрного и мексиканского, представители которого, видя, что с улиц исчезли полицейские, кинулись грабить магазины и дома. И если в домах их очень часто встречали пулей, то магазины, особенно алкогольные, никто не защищал.

Белое население, серьёзно восприняв предупреждения по радио не высовываться, дисциплинированно сидело по домам и очень часто организовывалось в общины, где все питались из одного котла и посменно несли дежурство с оружием. К ним и прибыла в первую очередь помощь военных, взявших власть в США, тогда как чёрные анклавов часто брались армией в блокаду, из которой не выпускали людей до окончания эпидемии, обрекая их на смерть.

Сильнее всех пострадала Британия. До девяноста процентов населения погибло в результате заболевания и беспорядков. Так же тяжело пострадала вся Африка, где и до эпидемии численность населения была относительно невелика, и страны средиземноморья, где население не смогло преодолеть свою неорганизованность. В целом

из трёх миллиардов жителей Земли погиб каждый третий, что на наш взгляд весьма неплохой результат, учитывая заразность заболевания и практически стопроцентную смертность.

Лишь Советский Союз, Китайская Народная Республика и Швейцария, войдя в режим абсолютного карантина, вышли из эпидемии без значимых потерь. В России были отдельные смерти среди врачей — эпидемиологов и микробиологов, создававших вакцину, а у китайцев — в основном среди пограничников, принявших на себя первый удар толп беженцев и разнообразных банд.

Из доклада преподобного отца Морлиона
«Pro Deo»¹ Ватикан. 1964 год.

СССР, Москва

Май 1964 года выдался по-летнему жарким, словно солнце извинялось за длинную и холодную зиму и позднюю затяжную весну.

Александр Мечников, заместитель министра точного машиностроения и радиоэлектронной промышленности, несмотря на строгий дресс-код в среде советских управленцев, шляпу не носил, а всем костюмам предпочитал свободные модели от Лейзера. Именно к нему он и ехал в этот субботний день для того, чтобы вновь сменить пиджак, ставший тесноватым. Осип Лейзер недавно переехал в новое здание на Котельнической набережной, где сделали красивый и качественный ре-

---

¹ «Pro Deo» (Именем Божиим) — разведка Ватикана.

монт. В старом здании оставалось детское ателье, магазин готовой одежды и собственно ателье, где её шили, а в новом трёхэтажном корпусе, спроектированном в мастерской архитектора Щусева, — зал для показа мод, рабочие места швей и раскройщиц, склады и кабинет самого Лейзера, где было отлично оборудованное рабочее место с новенькой швейной машинкой «Строчка», производства Минточмаша. Выпущенная пилотной серией машинка разошлась по ателье Союза, чтобы собрать все положительные и отрицательные отзывы, и, раз попробовав аппарат в деле, Осип без разговоров забрал машинку к себе. А секрет машинки был прост. Её детали имели высочайшее качество обработки поверхностей и вполне часовую точность.

В ателье Мечникова встречали как самого дорогого гостя, только что не раскатывая ковровую дорожку.

— И куда вы так растёте! — воскликнул мастер ножниц и иголки, обмеряя Александра. — Я же помню вас тонким изящным юношей, а сейчас ваши плечи, как у биндюжника!

— Ну что делать, Осип Наумович. — Мечников вздохнул. — Здоровое питание и физкультура творят чудеса. Но мне и нельзя быть тонким и изящным. Очень многие понимают только тогда, когда стукнешь по столу так, что чернильница лопается. Зато меня теперь совсем незаметно среди охраны. Теряюсь как лист в лесу.

— И сколько их у вас сейчас? — Мастер, у которого давно лежал скроенный «на вырост» костюм для Мечникова, который он сейчас и подгонял,

чуть отодвинулся, чтобы, как он говорил, «схватить силуэт». Удовлетворённый, снял смётанный на живую нитку пиджак и, нажав кнопку звонка, отдал заготовку своей лучшей швее. — Ниночка, я вас не гоню, но поторопитесь.

— Всё сделаю, Осип Наумович. — Швея мелко закивала и опрометью кинулась к своей машинке.

— Я их уже перестал считать. — Мечников усмехнулся и стал снимать ордена со старого пиджака. — Костяк, это ещё те, кто меня принял с самого начала. Гриша Янаев и Вася Котряну. Гриша вроде уже даже подполковника получил. Они там как-то меняются, чтобы не замыливался глаз. Но я уже этот процесс не контролирую. — Он посмотрел на Осипа и улыбнулся мастеру. — Кстати, завод воздушных холодильников через неделю обещает первую продукцию, и я один такой агрегат зарезервировал для вашего дома моды.

— Хорошо, конечно. — Осип кивнул. Он знал, что такое воздушный холодильник, потому что такие аппараты периодически попадали на прилавки столичных магазинов. — Но боюсь, нам один холодильник не поможет. Нужно как минимум десяток.

— Нет, Осип Наумович. — Александр рассмеялся. — Там такой агрегат, хватит, чтобы все стены вашего заведения льдом покрылись. Будут ставить на крыше, а по помещениям разведут тонкие трубки с охлаждающей жидкостью. Будет в каждом помещении свой блок, где можно регулировать температуру. Делали-то его для больших помещений, типа торговых центров, спортивных залов и так далее. Так что для вашего Театра моды такой конди-

ционер даже избыточен. Но решили, что в первую партию пойдёт именно такой, мощный аппарат, а те, что послабее, пойдут вторым и третьим конвейером.

Он благодарно кивнул высокой стройной девушке, которая принесла кофейный прибор, поставив чашки, налила кофе и ушла, крутанувшись так, что взлетевшая юбка показала пару стройных ножек.

Осип только вздохнул, увидев этот мини-спектакль.

— Манекенщицы. Пока нет показа, занимаются всякой работой по дому. И вот. — Он развёл руками.

— Да ладно. — Александр рассмеялся. — Это даже забавно. У них же это на уровне инстинктов. Найти хорошего производителя, спариться с ним, произвести потомство и сделать так, чтобы самец защищал потомство как можно дольше.

— И вас это не обижает? — Мастер удивлённо снял очки.

— А почему меня должно это обижать? — В свою очередь удивился Мечников. — Мы же не инфузории туфельки. В какой-то из своих ипостасей мы работники, в какой-то — защитники страны, а в какой-то — самцы-производители. Чем человек интереснее, тем больше у него таких граней. Выто, насколько я знаю, не только с иглой и ножницами возитесь, но и у себя дома мелкую ювелирку мастерите. Кстати... — Он сделал небольшую паузу. — Мне тут звонил один из руководителей нашего московского УБХСС и просил вам передать, что если вы начали-таки торговать своими издели-

ями, то следует ввести этот источник дохода в декларацию.

— Вот ведь! — Осип от избытка чувств всплеснул руками.

— А вы как хотели? — Мечников рассмеялся. — Вокруг нас сотни и тысячи глаз, и не все из них доброжелательны. И стоит нам хоть раз ошибиться, то наша ошибка станет причиной пересудов и досужей болтовни. Конечно же мы не можем совсем не ошибаться, но уж по таким поводам...

— Так я же только один раз! — воскликнул модельер.

— Вот именно поэтому генерал Васильев не стал звонить вам и не дал ход делу, а позвонил мне, так как в московском обществе прекрасно знают, кто и чей покровитель. Дикость, конечно, но в России всегда было патерналистское общество.

— Я таки слушаю вас, и опять мне страшно. — Как всегда, когда Осип волновался, он переходил на родной одесский говор. — Ви опять учите старого еврея, как жить, и это опять золотые слова, к которым нельзя не прислушаться. Словно вашими устами говорит наш ребе Исаак, пусть будут бесконечными его дни.

— Ребе учит, опираясь на память прошлого, Осип Наумович. — Александр подлил себе из кофейника и ещё чуть плеснул сливок. — А я советую вам, опираясь на картины будущего. Так что давайте будем чтить Уголовный кодекс, как нам и завещал Великий Комбинатор¹.

---

¹Персонаж романов Ильфа и Петрова «Золотой телёнок» и «Двенадцать стульев» Остап Бендер.

От Осипа Лейзера Александр вышел напившимся кофе до изумления, но в новом костюме и с уверениями самого Лейзера, что все новые костюмы, рубашки и прочее будут уже завтра доставлены на московский адрес.

Мечников уделял много внимания своему внешнему виду. Всегда подтянутый, отлично одетый и пахнувший приятным парфюмом, он, бывало, очень выделялся из когорты советских управленцев, среди которых где-то была даже принята нарочитая неряшливость. Но на глазах ситуация стала меняться, как только люди, в смысле широкие массы, стали тянуться к аккуратной и красивой одежде. Стилль «я из рабочих» потерял актуальность и смысл, и пришлось ответственным работникам срочно осваивать непростое искусство носить костюм и не выглядеть при этом, как малая пехотная лопатка в брезентовом чехле.

Другие изменения были не так видны, но куда более существенны. Если раньше абсолютной необходимостью было упоминание кстати и некстати основателей Советского государства и марксизм-ленинизма, то сейчас подобного славословия было намного меньше. В предисловиях к художественной и прочей литературе перестали расписывать, как относился к пролетариату Ленин и что писал о классовой борьбе Маркс, даже если книга рассказывала о жизни насекомых острова Суматра. Вот это совершенно лишнее и постоянное идеологическое давление, которое у большинства людей вызывало только кривую усмешку, стало уходить, и на его место возвращался разговор по существу. Ибо

ни к чему обсуждать пролетариат Суматры, которого вообще-то не существует в природе.

На эту тему состоялся настоящий бой на одном из пленумов ЦК, когда Александр доказывал, что в жизни советского труженика и так хватает борьбы, а нет самого элементарного уюта и тепла. И что партийные органы вместо того, чтобы заниматься делом, а именно народным хозяйством, занимаются политической борьбой, причём в основном с собственным народом.

Тогда ни Берия, ни Сталин демонстративно не стали вступать в дискуссию, давая возможность выступить всем желающим, и в обсуждение ворвался первый секретарь Уральского обкома Андрей Павлович Кириленко, который долго и многословно рассказывал о необходимости классовой борьбы и о скрытых врагах, и ещё очень много громких и трескучих слов. Когда он закончил, Александр вновь попросил слова и, пройдя к трибуне, дал команду оператору начать демонстрацию слайдов на огромном экране, который стоял вдоль стены. Он был готов к подобному исходу, и на пять самых рьяных любителей марксизма-ленинизма у него было заготовлено внушительное досье и самое главное — много фотографий отличного качества.

— Оператор, третий пакет, пожалуйста. — Он вышел на трибуну и улыбнулся. — Что ж, Андрей Павлович тут очень убедительно нам рассказывал о необходимости борьбы с буржуазными предрассудками и о роли партии в этой важной борьбе. Сейчас на экране вы можете видеть обычное утро крупного города Уральск. Люди штурмуют автобу-

сы и троллейбусы. Нехватка общественного транспорта, по оценкам специалистов из НАМИ, — сорок процентов. А вот вы видите очередь в собесе того же города. Там тоже нехватка, но уже сотрудников. И это понятно, потому что зарплата в собесе ниже, чем зарплата учителей, а их в стране никогда не баловали. Я бы мог перечислять очень многое, что не в порядке в уральском хозяйстве, но суть не в этом. Нет сейчас хозяйства, где всё было бы в полном порядке. Но вот вопрос, а куда деваются деньги, которые остаются в области и которые вроде бы должны расходоваться на улучшение жизни людей? Так и есть, товарищи. Они так и расходуются. Только не на всех людей, а видимо, на самых избранных. На кадрах, которые вы сейчас видите, резиденция первого секретаря Уральского обкома товарища Кириленко. Красное дерево, мрамор, хрусталь, резная мебель и лифт в трёхэтажном здании. А следом нам показывают уже резиденцию второго секретаря и секретаря отдела промышленности. И это при том, что область хронически не выполняет план.

Кириленко что-то попытался выкрикнуть с места, но Александр сразу заткнул его:

— Я вам не мешал рассказывать всякий бред, вот и вы не мешайте мне рассказывать правду. Теперь на кадрах — Дом отдыха уральских коммунистов на Исетском озере, где, как вы сами понимаете, принимают только лучших из лучших, а именно областную партийную верхушку. Обычных людей пансионат просто не может принять физически, потому что там всего восемь номеров класса супер-

люкс. Могу показать также пансионат «Заря» на черноморском побережье и многие другие уголки для приятного отдыха областной элиты, а также магазины, в которых есть буквально всё. — Александр обвёл всех присутствующих долгим взглядом. Кириленко уже не пытался что-то сказать, а просто потел, покрываясь красными пятнами. От власти отлучали и за меньшее, а тут вот так, на пленуме Центрального комитета, да ещё в присутствии Хозяина и Лаврентия Берии...

— Как вы только что сказали?.. — Александр усмехнулся. — Наносить точные, выверенные удары по буржуазной идеологии, мздоимству и стяжательству? А не расскажете, за какие достижения вы внутренним распоряжением изменили ГОСТ 36877, регламентирующий качество укладки дорожного покрытия? И теперь предприятия Уральской области перекладывают асфальт каждый год, рапортуя о трудовых успехах.

— У вас всё, товарищ Мечников? — нейтральным тоном поинтересовался Берия, уже успевший поймать укоризненный взгляд Самого. Ну как же. Теперь он главный над партией, и это его персональный косяк, что допустил в одном из ключевых обкомов страны такое.

— Так точно, товарищ генеральный секретарь... — Александр чётко, по-военному кивнул и, собрав документы в папку, вернулся на своё место.

— Так. Предлагаю, принять пункт в редакции товарища Мечникова. — Лаврентий Павлович взял со стола бумагу, где записывал тезисы. — Меньше заниматься идеологической болтовнёй, сместив

приоритет на решение насущных проблем регионов. Также предлагаю внести в протокол решения ЦК, поручение Центральной Контрольной Комиссии, расследование фактов, изложенных в выступлении товарища Мечникова, и вынесение по результатам расследования на обсуждение Политбюро персонального дела товарища Кириленко. — Он поднял голову и обвёл зал взглядом. — Единогласно. — Берия кивнул. — Спасибо, товарищи. На этом позвольте закончить работу внеочередного пленума Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза.

Тот пленум наделал много шума в среде советских чиновников. Как партийных, так и хозяйственников всех рангов. Никто, естественно, не поверил, что выступление было инициативой самого Мечникова, так как его числили в неформальном клане «старых большевиков», к которому даже не пушечный выстрел подходить не стоило. Сталин, Берия, Крупская, Фадеев, Горький, Рокоссовский... одно перечисление фамилий могло вызвать желание спрятаться поглубже, а уж влезать с ними в свару... упаси Ленин.

Поэтому против Мечникова не стали затевать никакие подковёрные игры. Просто сделали себе заметку, что при малейшей оплошности постараются утопить, но вот так, кидаться, как Кириленко, никто не станет. Но аппаратный вес Мечникова ещё подрос, так как снести одним ударом вполне благополучного первого секретаря области — это было очень серьёзно. Но в целом партийные генералы